

Александр Синельников

Парк Южный

РОМАН

ПАРК
ЮЖНЫЙ

Иногда прошлое
ближе, чем кажется

Александр Синельников

Парк Южный

«Автор»

2026

Синельников А. А.

Парк Южный / А. А. Синельников — «Автор», 2026

Основано на реальных событиях. Имена персонажей изменены. Все персонажи являются вымышленными. Любое совпадение с реально живущими или жившими людьми является случайным. На первый снег приземлилась летающая тарелка, а рядом дети играли в футбол. Вокруг этого происшествия завязывается детективная история, где главные герои Алина и Виктор, преследуемые агентами КГБ, пытаются докопаться до реальной причины этого происшествия.

© Синельников А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чертёж и газетная вырезка	5
Глава 2. Ночь у берёзы.	7
Глава 3. Секретный архив ВГУ	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Александр Синельников

Парк Южный

Глава 1. Чертёж и газетная вырезка

Гул испытательного стенда на закрытом полигоне КБХА заставлял вибрировать даже бетонный пол под толстыми подошвами рабочих ботинок. За бронированным стеклом бункера, в клубах ослепительно-белого пара и водяной завесы, ревел на полную мощность жидкостный ракетный двигатель.

Виктор Суворов не смотрел на пламя. В свои тридцать два года он знал: огонь — это эффектная декорация для партийных комиссий. Настоящая жизнь двигателя разворачивалась здесь, на зелёных экранах осциллографов и извивающихся бумажных лентах самописцев.

Виктор поднёс к глазам стеклянную лупу, вглядываясь в чернильный след. Его пальцы, привыкшие к точности микрометра, были измазаны типографской краской и оружейным маслом — следами недавней переборки клапана подачи кислорода.

— Сорок секунд, режим номинальный, — буркнул оператор телеметрии, сидевший рядом. — Суворов, заканчивай молиться на свои ленты. Если этот агрегат выдержит ещё минуту, завтра директор выбьет нам премию.

Виктор не ответил. В отличие от коллег, меривших успех квартальными премиями и очередями на «ЖИГУЛИ», Суворов жил внутри чертежей. После смерти жены четыре года назад его трёхкомнатная сталинка на улице Кирова превратилась в сухой, стерильный склад научной литературы. В полегон, где всё подчинялось строгим законам Ньютона и термодинамики. В мире Виктора не было места хаосу. И именно поэтому то, что произошло на сорок пятой секунде, заставило его сердце пропустить удар. Перо самописца, фиксировавшее давление в камере сгорания, не дернулось вверх, как при гидроударе, и не ушло вниз, как при прогаре стенок. Оно резко, без инерции, вырисовало на бумаге идеальную синусоиду — форму, физически невозможную для турбулентного потока раскаленного газа. В ту же секунду все лампы накаливания в бункере на мгновение налились тяжелым, фиолетовым светом, а на стенках металлических приборов проступил тонкий слой инея.

— Что за... — оператор схватился за тумблер аварийной остановки, но двигатель захлебнулся сам.

Рев мгновенно стих. В наступившей тишине было слышно только, как в углу бункера монотонно и бешено щелкает механический счётчик времени.

— Давление в норме, температура в норме, датчики целы, — пробормотал Виктор, срывая ленту с самописца. Ему стало холодно. Воздух в бункере резко изменился: он пах не привычной смесью керосина и продуктов сгорания, а озоном и сухой, паленой хвоей.

— Это не сбой оборудования. Это внешний импульс.

На следующее утро Воронеж жил своей обычной перестроечной жизнью. В гастрономах на проспекте Революции стояли очереди за варёной колбасой, у газетных киосков «Союзпечать» шептались о дефиците и политике, а с левого берега, над промышленной зоной, привычно поднимался дым заводов.

Виктор сидел в заводской столовой, не прикасаясь к остывшей манной каше. В руках он держал свежий номер газеты «Молодой коммунар». На третьей полосе, прямо под отчётом о соцсоревнованиях, ютилась небольшая заметка, обведённая красным карандашом. «Инцидент в парке "Южный". 27 сентября группа подростков на Левом берегу стала свидетелями необычного явления. По словам очевидцев, над деревьями появился светящийся шар розового цвета, который затем опустился на землю...».

Виктор хмыкнул. Газетная сенсация. Массовый психоз. Должно быть, школьники обкурились или нагляделись зарубежной фантастики, которую теперь крутили в каждом втором видеосалоне. Но цифры... Время приземления «шара», указанное в заметке — 21 час 40 минут, — минута в минуту совпадало с зафиксированной аномалией на испытательном стенде КБХА.

— Суворов! К директору. Живо, — над ухом раздался голос заводского курьера.

В кабинете главного инженера было накурено так, что хоть топор вешай. За длинным столом из полированного ореха сидели двое: сам главный — грузный, седой ветеран ракетной техники — и незнакомец в безупречно отглаженном сером костюме.

Мужчине было около сорока, у него были бесцветные, как у хищной птицы, глаза и тяжелый подбородок.

— Знакомся, Виктор Сергеевич, — хмуро сказал главный инженер, не поднимая глаз от документов. — Это полковник Воронов. Из спецотдела.

Мужчина в костюме скупно кивнул и подвинул по столу к Виктору плотную папку без опознавательных знаков.

— Нам известен ваш вчерашний отчет по испытаниям, Суворов, — произнёс Воронов. Голос у него был сухой, безэмоциональный, как стук телеграфного аппарата.

— И ваша версия о «внешнем электромагнитном воздействии».

— Это не версия, это факт, — отрезанно ответил Виктор, садясь на стул. — Мои датчики зафиксировали фазовый сдвиг поля. Такого оборудования нет ни у нас, ни у американцев. Чтобы создать такую плотность излучения в районе Шилово, нужен ядерный реактор.

Полковник Воронов едва заметно улыбнулся кончиками губ. — Ядерного реактора в парке «Южный» нет, Виктор Сергеевич. Зато там есть полторы сотни идиотов, которые вторые сутки топчут газоны, и корреспонденты ТАСС, которые уже раструбили об этом на весь мир. В Москве нервничают. Слухи о «пришельцах» на Левом берегу, рядом с авиазаводом и КБХА — это либо вражеская диверсия для посева паники, либо масштабный выброс с химических производств, вызвавший галлюцинации.

Воронов встал, подошел к окну и застыл, глядя на панораму Воронежского водохранилища.

— Вы — наш лучший специалист по аномальным шумам и телеметрии. Неверие в сказки — ваше главное достоинство. Вы поедете в парк «Южный». Возьмете с собой портативный спектрометр и дозиметр из спецлаборатории. Ваша задача — взять образцы почвы, измерить фон и подготовить научно обоснованный отчет. Вы должны доказать, что никакой мистики там нет.

— А если приборы покажут обратное? — спросил Виктор, глядя прямо в затылок полковнику.

Воронов медленно повернулся. В его глазах мелькнуло что-то, от чего у Виктора прошел мороз по коже.

— Приборы покажут то, что существует в природе, Суворов. А в природе существуют только физические законы. Все остальные результаты будут расценены как халатность или государственная измена. Вы меня поняли?

Через час Виктор уже упаковывал в массивный металлический чемодан-дипломат переносной радиометр и прибор полевого анализа. До захода солнца оставалось два часа. Он ещё не знал, что в этот самый момент на другом конце города, в крошечной фото лаборатории на улице Плехановской, молодая журналистка Алина Громова рассматривала через лупу свежий негатив, на котором в центре парка «Южный» отчетливо проступал силуэт, не имевший ничего общего с физическими законами Земли.

Глава 2. Ночь у берёзы.

К десяти вечера парк «Южный» опустел. Днём здесь царил настоящий балаган: зеваки со всего Левого берега, школьники, надеявшиеся найти марсианские медали, торговцы пирожками и уставшие наряды милиции, бессильно пытавшиеся гонять толпу.

Но осенняя слякоть и ледяной ветер с Воронежского водохранилища быстро разогнали любопытных. Остался только промозглый, липкий туман, сползающий с воды, да жёлтый свет единственного уцелевшего фонаря у входа на главную аллею.

Виктор ждал в тени закрытого тира, сжимая в зябнущих пальцах ручку тяжёлого металлического чемодана. Он дождался, пока дежурный «уазик» ППС, мигнув фарами, уедет в сторону улицы Полины Осипенко. В парке установилась звонкая, неестественная тишина, нарушаемая лишь редким далёким стуком товарных составов со станции "Придача".

Перешагнув через натянутую между деревьями помятую милицейскую ленту, Виктор шагнул к эпицентру. Точка посадки находилась у старой, расщеплённой берёзы. В свете его карманного фонарика, земля выглядела странно: ровный круг диаметром около семи метров был идеально очищен от опавшей листвы, а трава в нём казалась не сожжённой, а будто высушенной изнутри — хрупкой, серыми иглами уходящей в грунт. Виктор опустился на одно колено, поставил чемодан на сырую землю и откинул защёлки. Внутри замерли тусклые шкалы спектрометра и портативный датчик ионизирующего излучения.

— Радиация — в пределах естественного фона, — пробормотал он сам себе, подключая выносной зонд. — Химических следов гептила нет. Значит, не падающая баллистическая ракета...

— Не ищи то, чего в твоём учебнике физики не прописали, инженер, — раздался над головой тихий, с лёгкой хрипотцой женский голос.

Виктор вздрогнул, резко вскинул фонарь и едва не задел металлической рамкой прибора девушку, стоявшую за стволом берёзы. На ней было серое пальто из грубой шерсти, перехваченное в талии ремешком, и промокшие чёрные ботинки. На груди под распахнутым воротником висел потёртый ремень «Зенита-Е». Девушке было не больше двадцати пяти. Каштановые волосы, слегка выющиеся от сырости, упрямый подбородок и глаза — тёмные, внимательные, смотревшие на Виктора с ироничным вызовом.

— Гражданочка, вы с ума сошли? — Виктор поднялся, привычно принимая строгое выражение лица. — Здесь закрытая зона. Работают специалисты. Вы как сюда пробрались?

— Специалисты полчаса назад уехали пить чачу в отделение на Ленинградской улице, — усмехнулась девушка, шагнув ближе и бесцеремонно заглянув в открытый чемодан Виктора. — Ого. Какая махина. Вы из ВГУ или с Механического?

— Это не ваше дело. Покиньте территорию, иначе я вызову...

— Алина, — перебила она его, протягивая узкую ладонь в кожаной перчатке с отрезанными пальцами. — Алина Громова. Внештатник «Молодого коммунара». А вы — тот самый мрачный технарь, который пятнадцать минут простоял в тени тира, боясь намокнуть?

Виктор замер, не отвечая на рукопожатие.

— Виктор Сергеевич. И я не боюсь намокнуть, я соблюдаю режим секретности.

— Очень заметно, Виктор Сергеевич, — Алина показала ему чёрную кассету с плёнкой, зажатую между пальцами. — Я снимала здесь три часа назад. Когда ещё не было тумана. И знаете, что самое интересное? На ваших приборах сейчас всё чисто, да?

— Абсолютно, — сухо ответил Виктор. — Нулевые показатели. Обычная почва.

— А теперь взгляните на часы.

Виктор автоматически опустил взгляд на циферблат своих «Командирских». Стрелки показывали 21:39. В следующую секунду мир вокруг них словно провалился в глубокий колодец. Шум далёких поездов мгновенно исчез. Пропал даже свист ветра в ветвях берёзы. Наступил абсолютный, плотный вакуум звука, в котором собственный пульс Виктора отдавался в висках тяжёлыми ударами молота. Фонарь в его руке гас не постепенно — свет просто «растворился», превратившись в тусклое красное пятно на лампе накаливания. Стрелка спектрометра внутри чемодана сорвалась с нуля и с силой ударилась в правый ограничитель, согнувшись пополам.

— Мать твою... — выдохнул Виктор, мгновенно забыв про инструкции.

Земля под их ногами не задрожала, но воздух резко изменился. Холодный осенний туман рассеялся за секунду, выжженный круг травы налился густым, плотным ультрамариновым светом, исходившим словно из глубины почвы. Температура воздуха взлетела: Виктора обдало волной сухого майского тепла, пахнущего озоном, спелой земляникой и палёной хвоей. Алина, не задумываясь, вскинула «Зенит» к глазу. — Не смей! — рявкнул Виктор. — Оптический разряд в ионизированной среде...

Он ринулся к ней, чтобы сбить камеру, но не рассчитал движение на скользкой траве. Его пальцы мёртвой хваткой вцепились в её голые пальцы, сжимавшие объектив. Их будто прошило электрическим током — не болью, а колоссальной волной чужого присутствия. Виктор не просто увидел — он почувствовал. На долю секунды его собственный разум, замороженный горем по умершей жене и запертый в строгих формулах, был пробит чужими эмоциями. Он ощутил острую, жгучую тоску Алины по пропавшему человеку, её отчаянную жажду пробить стену лжи, её страх и нечеловеческое, вспыхнувшее мгновенно доверие к нему, Виктору. А Алина в тот же миг вскрикнула, ощутив его оглушающее одиночество, ледяную тяжесть промышленных чертежей и страх перед тем, что его упорядоченный, понятный мир сейчас рухнет на куски. В их ушах одновременно прозвучал чистый, вибрационный тон — похожий на гул огромного хрустального колокола. В воздухе над сухим кругом на секунду соткалась полупрозрачная, идеальная сфера, внутри которой медленно проворачивались сложные, геометрически безупречные узоры из тёмно-фиолетового света.

И всё исчезло. Свет погас. В лицо снова ударил ледяной дождевой туман. Вдали взвизгнул тормозами трамвай на Ленинском проспекте. Виктор стоял на коленях в грязи, тяжело дыша и не разжимая пальцев на руке Алины.

Девушка сидела рядом прямо на сырой траве, её «Зенит» висел на груди со сбитым объективом, а из носа капала тонкая струйка алой крови. Они смотрели друг на друга в темноте, слыша только бешеное, рваное дыхание — своё и чужое.

— Ты... ты тоже это видел? — шёпотом спросила Алина.

Её голос дрожал, но в нём не было ужаса. Только дикий, восторгающийся азарт. Виктор медленно отпустил её руку, глядя на свои пальцы. На коже, в месте контакта, остался слабый фосфоресцирующий след, который таял на глазах. На дне чемодана спектрометр тихо дымился, его электронные платы превратились в спекшийся кусок пластмассы.

— Это невозможно, — произнёс Виктор. Его голос звучал глухо, как из-под земли. — По всем законам термодинамики... этого не могло произойти.

— К чёрту твои законы, инженер, — Алина вытерла кровь с губы тыльной стороной ладони и поднялась на ноги, протягивая ему руку. — Это не выброс с химзавода и не детские сказки. Мой отец называл это «вторым резонансом». И если мы с тобой прямо сейчас не убежим отсюда, парни из КГБ найдут нас раньше, чем мы поймём, что с нами только что произошло. Виктор посмотрел на изломанный прибор, затем на её протянутую ладонь. Впервые за четыре года в его груди вместо привычного холода горел жаркий, опасный огонь. Он сжал её руку и поднялся.

Глава 3. Секретный архив ВГУ

Рассвет над Воронежем пробивался сквозь плотные грязные тучи мокрым, мыльным светом. Старая квартира на четвертом этаже сталинки возле университетского сквера пахла сухими травяными чаями, состарившейся бумагой и фотореактивами.

Это было жильё отца Алины — угловая комната с высокими лепными потолками, где полки от пола до самого верха заплывали книжными рядами: немецкие монографии по теоретической физике 1930-х годов соседствовали с подшивками журнала «Техника — молодёжи».

Виктор сидел за массивным дубовым столом, подперев голову руками. Перед ним на газете лежали обугленные останки спектрометра. Пластиковый корпус спекся в глянцевую чёрную массу, а медные жилы проводов внутри выгорели до чистого, блестящего серебра — словно по ним прошел ток огромного напряжения, не оставив при этом ни копоти, ни гари.

— Это вызвало не электричество, — глухо сказал Виктор, глядя на свои ладони. На кончиках пальцев всё ещё ощущалось легкое, едва уловимое покалывание, будто от прикосновения к шерстяному свитеру. — То, что произошло у берёзы... оно исказило массу и проводимость среды. Если бы я показал эту плату в лаборатории КБХА, меня бы упрятали в психушку, в "Орловку".

Алина поставила перед ним два пузатых гранёных стакана в тяжелых латунных подстаканниках. Пар от крепкого чая с чабрецом поднимался к абажуру.

— А если бы ты показал её полковнику Воронову, тебя бы просто тихо убрали, — ответила она, садясь напротив и подбирая ноги под себя на глубоком кресле. На её бледной щеке под глазом темнел свежий синяк от удара падающего «Зенита», но взгляд горел твёрдым, холодным огнём.

— Пей. Тебе надо согреться.

Виктор обхватил пальцами горячий металл подстаканника.

— Алина... то, что произошло, когда я взял тебя за руку. Это не был галлюциногенный эффект. Я видел... я чувствовал то, о чём ты думала.

Алина замерла с поднятой чашкой. На секунду в её глазах мелькнула незащищённость, но она тут же взяла себя в руки.

— Эмпатический резонанс, — тихо произнесла она. — Отец называл это «схлопыванием индивидуальных фаз». Когда два биологических объекта попадают в поле аномалии, их нейронные импульсы начинают синхронизироваться. Ты чувствуешь меня, я чувствую тебя. Без лжи, без привычной городской защиты.

— Твой отец... — Виктор поднял на неё взгляд. — Кто он был?

Алина встала, подошла к книжному шкафу и вытянула из зазора за тяжелыми томами «Физики твердого тела» плотную папку из плотного крафтового картона, перевязанную бечёвкой. На обложке выцветшими чернилами было написано: «ВГУ. Кафедра теоретической физики. Громов А.Н. Сектор 4».

— Андрей Николаевич Громов, — Алина развязала узел и высыпала на стол пожелтевшие страницы, покрытые мелкими формулами, чертежами странных спиральных антенн и газетными вырезками тридцатилетней давности.

— В шестидесятых он заведовал лабораторией волновых процессов ВГУ. По официальным документам, его группа исследовала радарные помехи для ПВО. По факту — отец искал причину тектонических и электромагнитных сбоев вдоль русла реки Воронеж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.